

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

Фильм «Вызываем огонь на себя» посмотрели по телевизору одновременно сотни тысяч зрителей. Многие и многие из них прислали на студию, создателям картины и в редакцию «Советской России» взволнованные письма.

И в каждом или почти каждом письме содержится просьба к исполнительнице главной роли рассказать о работе над образом Ани Морозовой.

Мы попросили Людмилу Ивановну Касаткину поделиться с читателями нашей газеты своими мыслями о последней работе. Публикуем ее рассказ.

Любимая роль — какая она? Которая из многих? Разве мать различает среди своих детей «любимых» и «нелюбимых»? Разве бывает не дорогой жизнь близкого человека? Может быть, аналогия слишком сильная, но это действительно так: каждая роль — твой родной ребенок, каждый раз — это встреча с чужой судьбой, которая становится твоей собственной.

А если все-таки она существует, любимая роль, то, наверное, это последняя роль. Почему? Потому что не зарубцевавшись, не покрывшись слоем времени пережитые волнения, мучительные сомнения и редкие, а значит, особенно дорогие минуты радости. Минуты, когда посчастливилось прикоснуться к великой правде жизни, удалось сказать между строчек свое сокровенное, главное. Из таких минут и складывается, наверное, биография артиста, вмещающая в себя много человеческих жизней, столько, сколько сыграно ролей.

Такие минуты может подарить актеру только театр, ибо он есть общение живого человека с живыми людьми. Здесь нельзя ни сфальшивить, ни сэкономить собственный душевный покой безнаказанно: зрительный зал твою внутреннюю бесстрастность почувствует обязательно и будет в этот вечер не с тобой.

Вчера ты владел всем, а сегодня выйдешь на сцену пустым, если день прожит несобранно, растрочен на мелкие житейские заботы. Театр — это ежедневный экзамен, и ты обречен на провал каждый раз, когда твое сердце, твои нервы промолчат, когда ты на минуту позволишь себе подумать, что можно механически повторить то, что было найдено вчера. Театр дарит счастье вечно искать путь к правде и потому иногда — даже на сотовом представлении одной и той же пьесы — находить его.

За эту трудную близость с правдой человеческой жизни я навсегда люблю театр больше, чем кинематограф, а потому и сценические роли мне все-таки дороже тех, что сыграны в павильоне студии, когда не слышишь, не чувствуешь живую реакцию и порой кажется,

что пробираешься вслепую.

Аня Морозова в фильме «Вызываем огонь на себя» — исключение из этого правила. Встреча с ней для меня не просто профессиональная радость, которая не так часто даруется актеру, но и большая жизненная удача. Мы часто повторяем: коху сыграть роль своего современника. Это не слова, это естественная потребность художника участвовать в битвах своего времени, стремиться быть полезным ему. Я не имею права роптать, мне много довелось играть своих сверстниц и современниц.

Но порой я готова была умереть от стыда в день премьеры, когда выходила на сцену и произносила не слова, необходимые людям, а с трудом выученный «текст». Сегодня играешь Таню, завтра — Маню, сегодня доярку, завтра — геолога, а о жизни сказать тебе нечего. Как часто я чувствовала себя оскорбленной, не за себя — нет! — но за женщин, сидящих в зале, и за всех тех, кого не было в тот вечер в театре. За тех — юных и уже поседевших, русских и черноколых, — что дрались за родную землю рядом с мужчинами, рядом с мужчинами пахали эту землю и поднимали ее к жизни, за тех, что успевают работать, быть другом, женой, матерью, что встают раньше, а ложатся спать позже своих мужей, сыновей, братьев. Какая это великая сила — русская женщина!

Почему то произносятся эти слова — русская женщина, — мы обычно цитируем на память Некрасова, вспоминаем декабристов, которых вела в Сибирь не библейская покорность мужчинам, данным им в мужья, но понимание движущих ими идеалов, высокого смысла гражданского и человеческого долга. Однако далеко не всегда осознаем, что озабоченно и торопливо проходят мимо нас каждый день те, чей подвиг еще не воспет.

Вот так же ходила по улице худенькая, русоволосая девушка, почти подросток, с именем и фамилией обычными и простыми, как и она сама: Аня Морозова. И не знали прохожие, шедшие мимо, что через два года, когда погибнет она на окра-

не польской деревни, офицер со свастикой на петлице выстроит свой взвод и скажет: «Если вы сумеете драться, как эта русская девушка, наша страна будет непобедимой».

Моя специализация в актерской профессии — адвокатура. Если, например, замечательная артистка Ф. Г. Раневская — прокурор своих образов, она разоблачает человеческие пороки (а это тоже очень трудно и очень нужно), то мне выпала честь защищать женщин, которых предстояло играть. Так было и на этот раз. Может возникнуть естественный вопрос: но от кого надо защищать Аню Морозову? Отвечу: от штампа. От штампа изображения, от штампа восприятия.

Так уж случилось, что многие годы существовала довольно большая дистанция между тем, что мы понимаем под словами «обыкновенный человек» в жизни и что привыкли видеть в облике «героя» на сцене. То есть мы всегда знали, что люди самого высокого подвига были, конечно же, обычными в жизни, но, появляясь на сцене или на экране, они вдруг теряли это свое качество, обрастали пьедесталами и гранитным спокойствием.

Не мне судить о результатах нашего труда над фильмом «Вызываем огонь на себя», и я совсем не утверждаю, что наша Аня достойна своего прообраза. Я говорю лишь о том, к чему мы стремились, что нас волновало.

У меня растет сын. Когда ему исполнится двадцать, для него Великая Отечественная война уже станет далекой историей. Мне хотелось — в меру своих скромных возможностей — объяснить ему и его ровесникам, почему их Родина, их народ победил такого умного, сильного и опытного врага. Мне хотелось еще раз напомнить вслед за многими, кто говорил и будет об этом говорить: солдатами, героями не рождаются. Ими становятся такие, как Аня, потому что выросла она в нашем обществе, воспитана всей сутью нашей советской жизни. Она впитала в себя духовное здоровье русского народа, его доброту, его оптимизм, его мужество. И если Аня на протяжении всех четырех серий экранной жизни ни разу не сказала о своей любви к Родине, то только потому, что эта любовь не нуждалась в словах и клятвах. Клятвой верности стала сама ее жизнь. Жизнь, прожитая так, а не иначе.

Материала было собрано мно-

го, гораздо больше, чем вместились даже в четыре серии. Но все это были факты из биографии Ани, которые, безусловно, говорили многое о ее характере, но, конечно же, далеко не все. Нужны были подробности, которые только и делают сценического героя живым человеком.

О чем она думала, стирая ночами грязное фашистское белье? Что двигало ею, когда она, рискуя жизнью всей своей семьи, сто восемьдесят дней скрывала под носом у полицая девушку-еврейку? Почему так безоговорочно верили ей люди, которые выполняли ее опаснейшие задания, не зная толком, от кого исходит приказ? Откуда черпало это хрупкое существо такое мужское мужество?

На эти и другие десять тысяч почему надо было попытаться ответить.

Доказательств ее мужества не требовалось — это вытекало из ее поступков. Я искала, в чем она слабая, в чем обыкновенная. Поэтому так боролась за сцену, где она отказывается от поста руководителя, мотивируя совсем по-бабьи: «У меня слезы близки». Она не рождалась разведчицей и вожаком подполья — она им стала потому, что это было необходимо, потому что и от этого, в частности, зависел исход борьбы всего народа.

Я не случайно упоминала термин: штамп восприятия. Даже в нашей сьемочной группе возникали сомнения: может ли героиня плакать? Падать в обморок? Жалеть? Бояться, наконец? Не унизят ли образ героини такие бытовые человеческие штрихи?

И если мы все-таки рискнули показать эти самые обыкновенные слабости, то только в надежде на доверительное отношение будущего зрителя.

Такое доверие, кажется, удалось завоевать. У меня нет слов, какими я могла бы выразить глубочайшее чувство благодарности всем, кто прислал мне взволнованные, сердечные письма. Мне еще никогда не приходилось получать такие письма...

Женщине дана природой великая миссия — продолжать жизнь. Но у нас есть еще другое святое право и назначение — защищать жизнь. К этому я и стремилась в своей работе над образом Ани Морозовой. Мне хотелось достучаться до человеческих сердец, ранить их не трагической судьбой, а большой добротой и великой любовью к жизни простой русской женщины, такой, на каких стояла и стоять будет наша земля.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

23 МАЯ 1965